

PG

3948

.H694M3

1836

МАЛОРОССІЙСКІЯ

ПРИКАЗКИ

Е. ГРЕБЕНКИ.

Гребінка, Ершен Павлович.

"
Malorossijskija prikazki.

МАЛОРОССИЙСКІЯ

ПРИКАЗКИ

Е. Гребенки.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1836.

PG 3948
H 694 M 3
1836

Печатать позволяется:

съ шѣмъ, чшобы, по напечатаніи, представлены
были въ Ценсурный Комитетъ, при экземпляра.
Санктшпетербургъ, 20 Декабря 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

TF July 6, 62

Д О Б Р Ы М Ъ

М О И М Ъ З Е М Л Я К А М Ъ

И

Л Ю Б И Т Е Л Я М Ъ

М А Л О Р О С С І Й С К А Г О С Л О В А .

15-2-1881

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 354

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Долгомъ поставляю извѣстнѣе по-
чтеннѣйшихъ читателей, что содержа-
ніе нѣкоторыхъ приказокъ взято мною
изъ Басень Крылова и другихъ въ семь
родѣ Писателей, и что въ орѳографіи
я слѣдовалъ способу, принятому нашимъ
извѣстнымъ Поэтомъ Гулакомъ-Арше-
мовскимъ.

INDEX

1. Introduction
2. The first part of the book
3. The second part of the book
4. The third part of the book
5. The fourth part of the book
6. The fifth part of the book
7. The sixth part of the book
8. The seventh part of the book
9. The eighth part of the book
10. The ninth part of the book
11. The tenth part of the book
12. The eleventh part of the book
13. The twelfth part of the book
14. The thirteenth part of the book
15. The fourteenth part of the book
16. The fifteenth part of the book
17. The sixteenth part of the book
18. The seventeenth part of the book
19. The eighteenth part of the book
20. The nineteenth part of the book
21. The twentieth part of the book
22. The twenty-first part of the book
23. The twenty-second part of the book
24. The twenty-third part of the book
25. The twenty-fourth part of the book
26. The twenty-fifth part of the book
27. The twenty-sixth part of the book
28. The twenty-seventh part of the book
29. The twenty-eighth part of the book
30. The twenty-ninth part of the book
31. The thirtieth part of the book
32. The thirty-first part of the book
33. The thirty-second part of the book
34. The thirty-third part of the book
35. The thirty-fourth part of the book
36. The thirty-fifth part of the book
37. The thirty-sixth part of the book
38. The thirty-seventh part of the book
39. The thirty-eighth part of the book
40. The thirty-ninth part of the book
41. The fortieth part of the book
42. The forty-first part of the book
43. The forty-second part of the book
44. The forty-third part of the book
45. The forty-fourth part of the book
46. The forty-fifth part of the book
47. The forty-sixth part of the book
48. The forty-seventh part of the book
49. The forty-eighth part of the book
50. The forty-ninth part of the book
51. The fiftieth part of the book

І.

Ц А П Ъ.

Мабуць нема уже на свити правды !
Мабуць вона уже за море утекла.
Чимъ я одъ Муцька поганьшый справди ?
А пани те щеня учора привезла,
Сіюгодні вже іому и дзвонькъ почепылы.
Да якъ моторно винъ бряжчить,
Якъ муцькъ, бублычкомъ задравшы хвистъ, бижить,
Та гавкае на мыръ, що сылы !
Такъ навигенный Цапъ на весь окиль гукавъ.
Хозяинъ ричь таку почувшы :
(А по-цапыному винъ де-що розмышлявъ)
Іому дзвинокъ на шью намотавъ.
Здуривъ скажений Цапъ, рижкы назадъ загнувшы,
Махнувъ боридкою, замакавъ, заскакавъ
И геть-то честію такою запышнывся,
Да швидко ставъ ій и не радъ :
Бо тилько Цапъ стрибне у паньскій садъ,
На шии дзвинъ дзень, дзень ! народъ заворушывся
И гостя въ тры-шыя въ кошару мусять гнать.
Прыйшлось бидаси пропадать.
Пройшло іому те время, що бувало
Майнувъ де здумавшы, куды-бъ-то ни попало,
Поивъ, пообгрызавъ и слидъ пропавъ,
А выбига и долынки и горы,
Де бувъ — то поживывсь ; ниhto того не знавъ.
Эге, я правду вамъ казавъ :
Нащо було Паньку прохаться въ Прокуроры.

II.

ЛЕБЕДЬ И ГУСЫ.

На стави пышно Лебедь пливъ,
 А Гусы сирые крыи іого порыналы.
 «Хиба отцей биякъ васъ зь глузду звивъ?»
 — Одынъ гусакъ загомнивъ —
 «Чого вы, братця, такъ баньки повищрачаны?
 «Мы попеласты вси, а винъ одынъ межъ насъ
 «Свое пендючыть пирье биле!
 «Колы-бъ вы тилько захотилы,
 «Щобъ разомъ стало-быть, вся беседа взялась,
 «Мыбъ паныча сіѡго якъ-разъ перемастылы.»
 И завелась на стави геркотня,
 Гусыне дило закишило;
 Таскають грязь и глей зо-дна,
 Да мажутъ Лебеда, щобъ пирье посирило.
 Обмазали кругомъ — и галась трохи стыхъ;
 А Лебедь плысь на дно — и выпурнувъ якъ снигъ.

III.

Я Ч М Е Н Ь.

С ы н ъ.

Скажи мени, будь-ласкавъ, тату!
 Чого ячминь нашъ такъ порись,
 Що колоскивъ прямихъ я бачу тутъ багато,
 А де-яки зовсімъ схилилися унизъ?

Мовъ мы неграмотни передь великимъ Паномъ,
Мовъ передь судовимъ на стійци козаки.

Б А Т Ь К О.

Отти прямьи колоски
Зовсимъ пустисеньки, растутъ на ниви даромъ,
Котры жь поклякнулы — то Божа благодать,
Ихъ гие зерно, воны насъ мусять годовать.

С ы н ь.

Того жь-то голову до неба зволить драть
Нашъ нысарь волостный, Онысько Харчовытый,
Ажъ винь, бачу....

Б А Т Ь К О.

Мовчы! почувють, будешь бытый.

IV.

ЗУЗУЛЯ ТА СНИГЫРЬ.

На дуби сядючы, Зузуля куковала:
«Що за годы теперь, зовсимъ неможна жыть!
Одколы якъ тепло вже стало,
А гусени нема, червы зовсимъ такъ мало.
Прыйшлось изъ голоду хочъ у кулакъ тубыть.»
—«На що вамъ такъ квилыть? Мій Боже мылый!»
Снигырь зузулю перебивъ:
«Колы бь я мавъ вашъ стань и сымы,
Отцю я погань бы не ивъ,
Щобъ сей да той мене, колы бь я недоскочывъ
Соби що-дня шматокъ мьясця.

Отъ кобець — меньшый вась, а исты якъ захоче:
Летыть—и душыть горобця.

За-те винь зь голоду николы пенудывся»
— «Дурный! дурный! а въ школи вчывся!»

Зузуля Снигыру въ одвить:

«Замисто горобця я зымь жукивь десятокъ
Да гусени, червы, десяткивь тры въ наддатокъ,
И все-таки наймсь; — за те спытай ввесь свить,
Яка Зузуленька? Все скажуть: птыця славна,

Жыве соби, якъ панна,

Гуляе у садку, ничего не псуе,

По гилечкамъ намыстечко куде,

Да скилько литъ кому прожить вищуде;

Нехай же здумаю... да що тоби-й-казать!

Хочь злыдни въ пирьи обидрать,

Ввесь птычий ридь зарепетуе:

Зузуля мясо жре, зузуля хищный птахь,

Троха чы не бажа вона Орла изысты!

Прощай тогда, мое жытье въ садахъ!

Прыйщлось бы утукать хочь за море безъ-висты,

Такъ лучче жь тута жить— да зводить червячкивь.»

Хто хоче полюбить судью грошо заплота,

Про його розпытай панивь,

А не пытай у простого народа.

ВЕДМЕЖЫЙ СУДЪ.

Лысычка подала у судъ такую бумагу :
 Що бачыла вона , якъ попеластый вилъ
 На паньскій вынныци пывъ , якъ мошенныкъ , брагу ,
 Ивъ сино и овесъ и сіль .
 Судьею бувъ Ведмидь , вовки були пидсудки ,
 Давай вони іого по своїому судыть
 Трохи не цилы сутки ,
 «Якъ можна грихъ такій зробіть !
 Воно було-бъ зовсимъ не дыво ,
 Колыбъ винъ ивъ соби мясыво ,»
 Ведмидь сердыто ставъ ревить :
 — «А то винъ сино ивъ!» вовки завымы .
 Вилъ що-сь почавъ-бувъ говорыть ,
 Да судьи ричъ іого зъ почынку перебымы
 Бо винъ сытенькій бувъ . И такъ опредилымы ,
 И прыказалы запысать :
 Понеже вилъ прызнався попеластый ,
 Що винъ ивъ сино , сіль , овесъ и всяки сласти ,
 Такъ за таки грихы — іого четвертовать
 И мясо розыдрать судьямъ на ривны части ,
 Лысыччи-жъ ратыци оддать .»

VI.

ПШЕНЫЦЯ.

Я бачывъ , якъ пшеныцю мылы ;
 То що найкращее зерно
 У воду тильки плысь , якъ разъ пишло на дно ,
 Половажъ , нависна , плыве соби по хвыли . —
 Прывивъ мене Господь побачыть и панивъ :
 Мовъ простый чоловикъ тамъ инший Панъ сыдивъ ,
 Други , задравшы нисъ , роспрындывшись , ходылы .
 И здумавъ заразы я , якъ тильки поглядивъ ,
 Що бачывъ , якъ пшеныцю мылы .

VII.

СОНЦЕ ДА ХМАРЫ.

Ось сонечко зыйшло , и свитыть намъ и гріе ,
 И Божый міръ , якъ маківка цвите ,
 На неби чыстому генъ Хмара бованіе .
 Та Хмара надулась и ричъ таку гуде :
 »Що вже мени се сонце надоило ,
 Чого воно такъ землю веселыть ?
 Хочъ я насуплюся , воно таки блищыть .
 Я полечу іѡму назустричъ сміло ,
 Я здужаю іѡго собою затемныть .
 Дывлюсь , и Хмарамы пивнеба замостыло ,
 На сонечко мовъ ничью налягло .
 А сонце выще підплыло
 И Хмары ти позомотыло .

VIII.

ГОРОБЦИ ДА ВЫШНЯ.

Глянь, глянь, летять, да ихъ летыть чымало,
 Куды отце летять зъ осели Горобци?
 Дывлюсь, у садъ побралысь молодци.
 На Вышеньци ихъ геть-то насидало,
 И бенкетъ заразь пиднялы;
 Цвиринькають, джеркочуть-знай на Вышни,
 Изъранку самого до пизной поры.
 Я простый чоловикъ, то-й взявъ соби на мысли,
 Що Вышенци мойй предобре у саду,
 Що ий превесело; бо якъ крый еи йду,
 Або и такъ колы зырну у садъ изъ хаты,
 Все зволять горобцы по гилечкамъ скакаты.
 Ось тыждень якъ не бувъ, дывлюсь — кать іого ма!
 На Вышеньци гостей нема.
 Чого-лышень воны литаты пересталы?
 Якъ розыбравъ, бо-дай и не казать!
 Охъ! поты жевжыки вчащалы,
 Поки вси ягоды на вышни обдзюбалы,
 Теперь до бидной николы не летять.

IX.

БУДЯКЪ ДА КОНОПЛЫНОЧКА.

«Чого ты такъ мене, паскудо, въ боки пхаешь?»
 На Коноплыночку въ степу Будякъ гукавъ,
 — «Да якъ росты мени? и самъ здоровъ ты знаешь,
 Що землю у мене съ-пидъ коринця забравъ.»

Бува и чоловік сїому колючи пара:
 Людей товче, тай-жде, щобъ хто його кохавъ.
 Я бачивъ самъ такихъ, и може бъ показавъ,
 Та цуръ іому — розсержу Комысара!

Х.

ВЕРША ТА БОЛОТО.

Рыбалонька, мытець усе въ води ловыты,
 Бажаючи поймать вьюнывъ,
 Въ Болото Вершу засторчывъ.
 Довгенько щось вона тамъ мусыла сыдиты
 Языкъ жиночый е, да ничего робыты,
 (А зъ роду мабуць-то що не плоха була)
 Такъ лаяты болото почала:
 «Отце поганая багниюка!
 Глянь, пузырится якъ, зъ-нечевья клетотыть.
 Тутъ певнее нищо ни ходыть, и ни сыдыть
 Одна черва, мовлявъ, кишыть,
 Да де-колы повзе по кушыру гадюка,
 Уже колыбъ тутъ воленька мени!...
 Такежъ брыдке, таке мерзене,
 Поржавило, видъ жабуру зелене,
 Не хочется наскудыты въ багни
 А тобъ.....»

Що жъ ій Болото одвичало?

«Де ты сама, добродійко?» спытало.

А Верша гомонить на дни.

XI.

МАКИВКА.

У лузи Маківка весною зацвила,
Промежъ другихъ квітокъ, якъ жаромъ червошила;
До ея разъ-у-разъ літа бджола,
Бабокъ, метелыківъ надъ нею грае сыла.
Пройшовъ день, два, и зъ нею цвить опавъ,
И маківка осыротила;
Бджола на иншій квітці сила,
Ту погань-метеливъ, мовъ бы лыхый забравъ.

Дивчыно серденько! жартуй, поки е время,
Жартуй, да не глузуй изъ бидныхъ парубківъ;
А то мыне весна твоихъ годивъ,
Покине и тебе діяволове племя.

XII.

РОЖА ДА ХМЕЛЬ.

Охрине, дядечку! будь ласкавъ, схаменись,
Ты чоловикъ и зъ хлибомъ и зъ волами.
И грошыки у тебе завелось.
Якій тебе лыхый изнисъ
И побратавъ зъ панами?
Покинь ихъ, хай имъ цуръ, изъ пымы не водьсь;
А то колы къ тоби ни заверны у хату,
Ты зъ благородіємъ сыдышь за панибрата,

И чарка катержна гуляе по столи;
 Чы то въ село лыхый примчыть якого
 Панычыка, мовляють, судового,
 Та сарана жыве на твоему добри.
 Або и возный самъ, червоный ннбы квитка,
 Денькивъ по пятеро кружляе у тебе,
 А коней, каличи повнисинька повитка
 Твое синце скубе.
 Тимъ часомъ хлибъ давно у поли половіе,
 Іого и птыця бье и витерь марно сіе,
 А дядько мій гуля;
 Зъ письменнымы по чарци да по парци,
 Останній шагъ вытрушуе шынкарци.
 Ривнятся зъ нымы намъ самъ Богъ не позволя;
 То сказано: паны, щобъ день удень гулялы,
 А мы, неграмотни, щобъ хлнба зароблялы.
 Охрине! не зробысь смиховыщемъ села,
 Покинь, кажу, панивъ, водытся зъ нымы годн!
 Ось слухай; у мене недавно на городи
 Червона рожа зацвила,
 И треба жъ на биду, крый неп хмель пустывся;
 Изпершу гарно страхъ зъ сусидкою винъ жывъ.
 Дывлюсь ажъ прыятель за гильку зачепывся,
 А трохи зъ-годомъ глядь — всю рожу обповывъ.
 И бидная вона змарнила,
 Поблидла, дали пожовтила;
 А проклятуцій хмель, якъ рута зеленывъ.

XIII.

МОГЫЛЫНИ РОДЫНИ.

Ось чутка степомъ полетела,
 (На що-то грихъ не пидведе),
 Що у степу якась могыла
 Дытыну швидко приведе.
 Про дыво сее якъ почулы,
 То люды заразь въ степъ майнулы,
 Старый и молодой къ могыли знай иде.
 Крый Боже! народу якого тамъ зобралось,
 Якъ обь Ильи въ Ромни.
 Буцимъ тамъ місце починалось,
 Де ни взялысь миняйлы й шынкари
 И пиднялы межъ - себе галась,
 Чумацькь изъ силью ставъ, изъ діогтемъ діогтяри,
 И красты бублыкы шатнулы школяри,
 Слагідны шкварымысь, сидухы цокотилы,
 Про лазаря старци пидъ кобзу голосымы,
 «Холодный квасъ!» москаль межъ народомъ гукавъ,
 Знечевья а базаръ въ степу якъ треба ставъ.
 Хрещеный людъ хоча гуляе,
 Та на могылу все разъ - поразъ позырае,
 Чы швидко вродытся те чадо степове;
 Могила жъ стогне, мовъ сопє, мовъ тяжко дыше,
 Бокамы сывимы колыше,
 И зъ лыха на весь степъ реве.
 Народъ дывуется, да исть, да пье горилку;
 Вже паньскій стадыкь Опанась,
 Покинувши товаръ, що пасъ,

Зъ кишени вытягнувъ сопилку,
 Да якъ утне Московського бычка!
 Пидкивки заразы за-бряжчалы,
 Въ кружку дывчата танціовалы,
 Москаль покынувъ глекъ, та садить гоцака.
 Ажъ ось лулусь! щось пидъ ногамы,
 Загоготивъ якыйсь пидземный гласъ;
 Базаръ утыхъ, бабы замовкы пидъ возамаы,
 Изъ ляку упустывъ сопилку Опанась,
 И люды, христючысь, баньки повытрыщалаы:
 Могыла триснула, и те дытя, що ждалы,
 На Божый свить сусиль, якъ пыть дало.
 Та що жъ за чадо те було,
 Що тильки гомину межъ намы наробыло?
 — Мабуть пидсудокъ? — ни, — такъ левъ? — ни, —
 такъ мишокъ
 Зъ дукатамаы? — ни, ни, — такъ папорти цвитокъ?
 Але-жъ! — такъ, зъ намы Хрестна сьма!
 Мабуть вона полубиса вродыла?
 Не втявъ, — такъ вымыла козацького коня? —
 Ни, просто привела — руденьке мышеня.

XIV.

Ч О В Е Н Ъ.

Заграло, запинылось сыгье море
 И буйные витры по морю шумлять,

И хвѣля гуляе , мовъ чорныя горы
Одна за другою бѣжать.
Якъ темная ничка пасупылысь хмары,
Въ тихъ хмарахъ, мовъ голосъ небесной кары,
За громомъ грома гуркотять.

Играе и пиньтся сынѣе море.
Хтось човенъ на море пустывъ,
Бурхнувъ винъ по хвѣли, ныряе на воли,
Отъ берега геть покотывъ;
Качается, бидный, одынь безъ весельця.
Охъ жаль мени човна, охъ жаль мого сердца!
Чого винъ пидъ бурю поплывъ!

Ущухнуло море и хвѣли вяглыся;
Пустують по ниши мавкы,
Опять забилилы, опять простяглыся
По морю кругомъ байдакы;
Дежъ човенъ дивався, де плавле мій мыльй?
Мабуть винъ не плавле, бо онде по хвѣли
Биліють изъ іого трискы.

Якъ човнови море, для мене свить бѣльй,
Из-малку здавався страшнымъ;
Да якъ заховатся? не можно-жь вѣкъ цѣльй
Пробуты зъ собою однимъ.
Прощай мій покою, пускаюсь у море!
И може не-доля и лютее горѣ
Пограються зъ човномъ моимъ.

XV.

ШКОЛЯРЪ ДЕНЫСЬ.

Мыряне, слушайте, щось маю вамъ сказать:
 Отъ сихъ Роздвяныхъ святъ, на самой Меланкы,
 Дурный школяръ Денысь, запригшы шкапу въ
 санкы,

Изъ школы поспишавъ до батька ночовать,

Що бъ завтра по закону

Якъ слидуе пашнею засивать.

Пизнавши шкапа шляхъ до дому,

Смыкнула разъ, другый, и хлопця понесла.

Хоть здержавъ винъ іи, да злисть іого взяла;

Хотивъ бы проучыть, да быть іи боявсь,

А треба-жь и себе чимъ-небудь показать, —

Такъ по оглоблямъ ну малахаемъ шмагать.

Якъ тильки панъ изъ паномъ зазмагавсь,

Дывысь у мужыкивъ чупрыны вже трещать.

XVI.

СОНЦЕ ДА ВИТЕРЬ.

Изъ Витромъ Сонечко розгугорило мову

Про сылу, бачите, хто зъ ихъ моцнищый бувъ.

Звычайно за словцемъ балакалы по слову,

А дали Витерь такъ на закладъ навернувь:

«Чы бачышъ, иде генъ соби козакъ по полю.

Якъ цупко вишъ напьявъ на плечи кобенякъ!

Хто зъ плечъ зырве іого до-долу,

Хай буде той уже моцакъ.»

—«Иносе, дмы соби»—такъ Сонечко сказало,

И Витеръ шпарко полетивъ.

На-двори дуже сумно стало,

По небу хмары скрызъ погнало,

А Витеръ по земли, крый Боже, заревивъ,

Палигъ на козака зъ іого одежу цупыть;

Зигнувся на кони козакъ,

До себе горне кобенякъ,

Та знай нагайкою по ребрамъ шкапу лупыть,

Хуртовына назадъ бидаху пре,

За полы смыкае, видлогу зъ плечъ гируе,

Ажъ шляхъ курыть, трава въ степу хвильное,

А все одежи не здере.

Дувъ, дувъ, ажъ питомъ весь облывея,

Изъ моци выбывся, сердешный на бикъ плысь.

Ось разгулялося, и Сонце зъ хмары блысь,

Мовъ Божый міръ изнову народывся.

Козакъ парехрыстывся,

Кобылку заразь зупынивъ,

Бо страхъ горіошну заморывъ.

Поплився стежкой, ходою, потыхеньку;

А сонце гріе все, да гріе помаленьку,

Угрило Божый свить, почувъ тепло козакъ,

Дай скинувъ кобенякъ.

XVII.

ГАЙ ДА СОКИРЫ.

По Гаю темному туга велька ходыть,
 Сокиры-й-топоры затіялы войну,
 Гай хочуть сплюндровать и пущи вси пошкодыть
 Война ся навела на дерево суму;
 Дубы задумалысь, осыкы затрямили,
 И кленъ гнучкый и вязъ изъ лыха въ нызь
 нагнувсь.

Ажъ ось Сокиры вже въ гаю забрязкотили,
 И дубъ найстаршый усмихнувсь.
 «Не бійтесь!» винъ гукнувъ — «того я и жахався,
 Якъ зъ топорыщамы си нависни прыйдуть,
 Ажъ деревянный ридъ жализа одцурався!
 Безъ дерева воны самы насъ да не втнуть,
 Отъ-то було-бъ.... але — нехай іому абыщо,
 Якъ-бы зъ Сокирамы прыйшли и топорыща,
 Тогди-то бувъ бы намъ капуть.»
 И справди, сколько тутъ Сокиры ни бряжчалы,
 Ни дубчыка, ни лыпки не зтялы,
 И тильки де-не-де що кору понысалы,
 Да и до дому зъ тимъ шишлы.

XVIII.

В И Л Ъ.

»Мабуть на неби звистно стало
 (Про себе Вилъ въ кошари гомонивъ)
 Про те, що ввесь мій викъ я все за двохъ робивъ,
 Да-й вытерпивъ таки чы-мало;
 Що въ плузи сымковавсь, копыци волочивъ,
 Изъ-ранку у ярми до пивночи ходивъ,
 Ище що-дня бувавъ и бытый!
 Хозяина не разъ я проклинавъ,
 Теперь зовсимъ не той хозяинъ ставъ:
 У мене вдоволь исты-й-пыты,
 Несуть мени и солы и крупивъ,
 Овса и высивокъ наистысь тремъ бы стало.»
 Ажъ тутъ хозяинъ шастъ у хливъ,
 И взявши за рогы Вола, пидъ нижъ повивъ.
 — Бо сказано, юго годовано на сало. —

Ты зъ-малку такъ любивъ мене, якъ пугу песь;
 Чого-жъ такъ лащешся теперь до мене, Иване?
 Чы знаешь, що якъ ты чоломкатся идешъ,
 Чого-сь мене морозить стане.

XIX.

ГРИШНЫКЪ.

Въ далекій сторонѣ, въ якій, про те не знаю,
 Мабуть въ Нимецыни, а може и въ Китаи,
 Хтось разомъ оженывсь на трехъ жинкахъ.
 Загомонивъ народъ, почувшы грихъ велькый,
 Жинкы голосять такъ, що страхъ:
 «Глянь, що се коять чоловики!
 Якъ имъ по тры насъ можна брать,
 Такъ хай позволять намъ держать ихъ хочъ по пять.
 Гвалтують, сказано, на-вспряжки цокотухы.
 Ось сля висточка и до Царя дойшла,
 А Царь бувъ, мабуть, не макуха,
 Розлютовався винъ и злисть його взяла.
 «О! почекайте-лышь, не буде въ васъ охоты
 За-живота чоргамъ служити!»
 Царь гризно загукавъ и люльку ставъ палить,
 И въ люльку пхавъ огонь и люлька гасла въ роти,
 А дали схаменуясь, за радою пославъ.
 Якъ слидуе въ празничному наряди
 Предъ очи Царьськин совить вельможный ставъ.
 Царь двичи кашлянувъ, рукою усь розгладывъ
 И ричь таку премудрую сказавъ:
 «Пребеззаконія на свити завелься,
 А гирише що въ мойй земли!
 Мени до усть сіогодня донеслы,
 Одынь палывода (и Царь перехрыстывся)
 На трѣхъ жинкахъ женывся.

Щобъ царству цілому за іого не терпить
 Биды одъ праведного неба,
 Іого вамъ осудыты треба,
 И смерть страшну іо́му зробыть.
 Хай царству усіо́му въ науку
 Винъ вытерпыть такую муку,
 Щобъ зъ ляку бильшь ни́хто въ та́кый не вско́чывъ
 грихъ
 Крый Бо́же, щобъ надъ нымъ хто зъ васъ змы-
 лосердывся
 Щобъ луснувъ я, щобъ я до вечера сказывся,
 Ко́лы не поведу на шыбеньціо всихъ! »
 Якъ ричъ таку судья дослухавъ,
 Нызенько поклонывсь, потыльціо почухавъ,
 И ну съ пидсудкамы про діло мызковать.
 Надъ нымъ морочымысь трохи не тыждень цілый,
 И тилько що пымы, а мало, кажуть, пы,
 И такъ межъ-себе прысудымы:
 Щобъ Гришныку тому всихъ трехъ жинокъ отдать,
 Народъ сміявсь и вси булы въ заботахъ,
 Що раду переви́ша Царь,
 Ажъ завтра дывляться, а та погана тварь,
 Той Гришныкъ самъ себе повисывъ на воротяхъ.

XX.

ВОРОНА и ЯГНЯ.

Орлу схотилось попоисты.
 Піднявсь у гору птычій Царь,
 И вгледивъ видтиля, що крый ставка овчарь
 Онучи праты мусывъ систы,
 Отара-жь попаскы попхалась навманя.
 Орлу се по-нутру, зложывшы моцни крыла,
 Опукою зъ горы, ажъ витромъ зашумило,
 Орель ушкварывъ на Ягня;
 Піднявъ іого и геть потеревывъ за гору.
 И треба-жь, що на сію пору
 Пымо, бия ставка, дурне Вороненя.
 Страхъ полюбылося іому Цареве дило,
 И думае: «чому-жь сіого я не зроблю?
 Да не ягня, а барана вхоплю.» —
 Дывлюсь, воно у гору пометило
 Дай — пуць на шыно барану,
 И кикти впутавшы іому у вовну билу,
 Смыкнулося несты, да ба! вага не въ сылу;
 Баранъ важенькый и Орлу.
 Воно вже стямилось, мерцій бы полетило,
 Такъ изъ шерсти не выплутае нигъ.
 Дурне моталося, покы овчарь прыбигъ,
 И гарненько іому обскубшы крыла,
 На играшку дытыни давъ.

Мабуть, Господь такъ свить создавъ,
Що меньшый тамъ не втне, де бильшый геть-то
зможе;
Що дядькови пройшло, ты не робы, небоже,
Щобъ крылець хто не обчухравъ.

XXI.

З Л Ы Й К И Н Ь.

Учора мій сусидь купивъ соби Коня,
Изъ табуна, татарского, презлого,
Такого жвавого, такого вже баского!
Дывлюсь: сусидь и вся ідого семья
Уздечки ненапнуть на ідого;
Сусидь сусидивъ клыкать ставъ
И могорычь пообъщавъ,
Щобъ тильки помоглы ідму Коня упорать;
Народъ зыйшовсь, та гукъ такый пиднявъ,
Мовъ цилыну пять плугивъ орють.
А Кинь жахається, да рже,
Па дыбкы спынытсья да грывою мотае;
То пиде бокаса, то бьетсья и кусае;
Котрый смилицый бувъ, то вже
Одъ Коньика тикае.
Прыйшлось сусидови, мовлявъ, хоть сядь дай
плачь,
Ажь дывлятсья, ыде Петро Деркачь,

Розумный чоловікъ и въ коняхъ сылу знае;
 Ыде и здалеку, чупрыною кывае;
 Прышовъ, и весь базаръ никчемный розыгнавъ
 И смило до коня побрався потыхеньку,
 Все свыстючы, повагомъ, помаленьку,
 Все гладывъ, подывлюсь — уже и зануздавъ.

Паны! чы чулы, якъ Деркачь коня поймавъ?

XXII.

М И Р О Ш Н Ы К Ъ .

На ричечи якійсь маленькій
 Стоявъ соби млынокъ и въ нимъ Мирошныкъ живъ;
 Хочь не велычкый млынь, да знаешь, чепурненькій.
 Разъ-поразъ, день-у-день крутивсь и гуркотивъ
 И хлеба выстачавъ хозяину чы-мало;
 Колы ни забредешъ къ Мирошныку, бувало,
 У іого е и хлибъ, и сямъ, и сало,
 Чы-то въ скоромный день—изъ масломъ буханци,
 Кныши, вареныкы и всяки лагомыкы;
 У пятницю:—просиль, зъ олією блинци,
 Пампушкы зъ часныкомъ, гречаныкы, стовбци.
 Обидать винъ було не сяде безъ горилкы,
 А въ праздыкъ пиднесе и чарку калгашкы
 Мирошныкъ паномъ дило живъ.

И требажъ на биду, позаторишно весну
 Іоґо лыхый понысь чого-сь за Десну.
 Хочъ небагацько проходывъ,
 За те багато бачывъ свита:
 Побачивъ винъ, якъ Сеймъ мовъ бишений шумивъ,
 И якъ Десна ревла песамовыта,
 Мабуть ворочавшы не пятьдесятъ млынивъ.
 Вернувсь Мирошныкъ нашъ до дому,
 До церкви прямо почухравъ;
 Да Богу молытся Святому,
 Щобъ винъ акаѡысты іоґо не въ гнивь прынявъ
 И ричечку іоґо зробывъ Десною.
 Або хоча якъ Сеймъ, такую,
 Тогди бь-то вже я пановавъ!
 Молебни день у день Спасытелеви правыть,
 У Ставныкы свичкы по десять хунтивъ ставыть;
 Все молытся, ни исть, ни пье, ни спыть.
 Земляче! Богъ зъ тобою!
 На тебе десь туманъ у Лытви навелы.
 Хйба забудь ты, що велькою водою
 Ворочають велькїи млыны.
 Ихъ Нимци будовать уміють,
 А вже не зляпае нашъ братъ;
 Вони самы товчуть и віють,
 И мелють борошно и сіють,
 Сдається, що самы-й-идять;
 А млынъ хочъ чепурный у тебе,
 Та не для быстрины.—«Балакайте про себе!»
 Мирошныкъ заворчавъ и рукавомъ махнувъ.
 Іоґо молытвы Богъ почувъ:

По небу витерокъ дмухнувъ,
 Якъ воронъ небо почорнило,
 Шварнула блискавка, гримъ грюкнувъ и загувъ,
 Изъ хмарь, якъ зъ лотокивъ, водою зашумило.
 Маленька ричечка, що такъ тихенько йшла,
 Заклекотила, заревла,
 И черезъ греблю покотыла ;
 Якъ на осыци лысть, трямтыть млынокъ одъ хвыли,
 Вода напре, дывысь, то выскочить гвиздокъ,
 То паля триснула, то заставку розбыло,
 А дали и знесло млынокъ.
 Схопывсь Мирошныкъ, да пизненко ;
 Що поky йшла вода маленька,
 Щодня винъ хлиба мавъ шматокъ.

Литъ зъ десять бувъ у насъ судьеоу Глыва,
 Да знаешъ, захотивъ на лакомый кусокъ,
 Въ Пилтаву перейшовъ, тамъ кажуть, е пожива ;
 Велька тамъ вода хочъ е й-багато млыва,
 Глядитъ, добродію, чы вашъ мицный млынокъ ?

XXIII.

ВОВКЪ и ОГОНЬ.

У лиси хтось розклавъ Огонь.
 Було то въ-осены вже пизно;
 Великый холодъ бувъ, витры шумилы ризно,
 И была ожемедь и снигъ ышовъ лыбонь,
 Такъ, мабуть, чоловикъ били багаття грився,
 Та идучы й покинувъ такъ іого;
 Ажъ ось, не знаю я того,
 Якъ сирый Вовкъ тутъ опынывся.
 Обмерзъ, забовтався, мабуть трыдни не ивъ;
 Дрыжыть, якъ мокрый хирть, зубамы знай цокоче;
 Звирюка до огню пидскочывъ,
 Пидскочывъ, озырнувсь, мовъ торопленный сивъ;
 (Бо зъ роду въперше винъ Огонь узривъ):
 Сыдыть и самъ-соби радіе,
 Що смухъ іого Огонь мовъ литомъ сонце гріе.
 И ставъ винъ обтавать, ажъ пара зъ шерсти йде.
 Изъ ліоду бурульки, що знай кругомъ бряжчалы,
 Уже зовсимъ пообпадамы;
 Винъ до Огно то рымо пидведе,
 То лапу коло жару сушыть,
 То били поломья кудлатый хвистъ обтрусить;
 Уже огонь не ставъ іого лякать.
 Звирюка думаетъ: «чого іого бояться
 Зо мною винъ якъ панибратъ.»
 Ось ничка утекла, мовъ стало розсвятать,
 Мовъ почало на свить благословлять.

Пора, вовкъ думает, у лозы удирать.
 Ну щобъ соби ытты! ни, треба попрощатся;
 Скаженный захотивъ Огонь поцеловать,
 И тилько що простягъ свое въ багаття рыло,
 А поломья іого доценту обсмалымо.

Мій батько такъ казавъ: зъ панамы добре жыть,
 Водытся зъ нымы хай тоби Господь поможе,
 Изъ нымы можна исты-й-пыть.
 А цюловать ихъ крый насъ Боже!

XXIV.

УТЯТА да СТЕПЬ.

Мынулыся гречаныи жныва;
 Семень натягъ кожухъ на плечи;
 Тепло пройшло, дитвора лизе къ печи.
 Замерзло поле скрызъ, рилля, стерия, трава
 Снижечкомъ биленькимъ прынала.
 Бидашный степъ ставъ сумовать;
 Пташки, що въ литку такъ спивалы
 У праи вже поодлиталы,
 И тилько крый ставка оставсь табунъ утятъ.
 Чы крыжнии то булы, чы то булы чырята,
 Про те намъ бай-дуже, а сыла тилько въ тымъ,
 Що степъ ище не бувъ пустый зовсимъ;

Дывлюсь було, знялысь зь воды Утята,
Закахкають и ну Степомъ кружлять,
И выдно все таки, що сее не пустыня,
Ажъ ось уже-й-воны летять.

«Куды васъ врагъ несе до гаспыдського сына!»

Почавъ Утятамъ Степъ казать. —

«Хыба вы хочете мене покынуть?»

А яжъ васъ литомъ годовавъ,

И просо, и овесь, и гречку выстачавъ!

Безъ васъ хыба мени зь нудьгы скажутся?»

— «У литку на тоби усякый хлибъ стоявъ;

На себе глянть теперь, якый ты сывый ставъ,

Останній колосокъ холодный снигъ сховавъ,

И ничимъ намъ биля тебе жывытся.

А голодь за що намъ терпить?»

Сказалы Утята, и ну швыдчій летить.

Чы знаете вы сывого Кондрата?

— Женывсь на дивци винь, та - й мусыть ще
крычать,

Що жинка щось іого глядыть недуже хаты.

Мабуць що упада ій диду одвичать,

Якъ сывому Степу одризалы Утята.

XXV.

Р Ы Б А Л К А.

Кто знае Оржицю? а нуте обзываютесь!
 Уси мовчать. гай, гай! яки шолопан!
 Вона въ Сулу тече у нашій сторони.
 (Вы, братця, все таки домивкы не цурайтесь.)
 На ричци тій жылы батьки мои,
 И панства чортивъ тыскъ, Васыль, Иванъ, Мыкола,
 Народъ письменный страхъ,
 Бувавъ у всякихъ школахъ,
 Одынь балакае на сотни языкахъ.
 Арабську цыфыру, мовлявъ законъ Турецкій,
 Все тямлють, джеркотять, якъ гусы, по-нимецкы.
 Подумаешъ, чого-то чоловикъ не зна!
 Да не объ тимъ бачь ричь. Усю торишню зиму
 Рыбалка ятеромъ ловывъ въ тій ричци рыбу;
 Рыбалка байдуже, ажъ ось прыйшла весна,
 Пригрило сонечко, и зъ поля снигъ погнало;
 У ричку снигъ побигъ и Оржиця заграла,
 И ятеръ граючы водою занесла.
 «Ужежъ вона мени оттуть сыдыть въ печинкахъ,
 Ся ричка катержна,» Рыбалка ставъ казать—
 «Куць-выгравъ, куць-програвъ, ось слухай-лы-
 шень, жинко:
 Пиду я до Сулы скажену позывать!»
 И розни де-яки казавъ сердега речи,
 Изъ злости, якъ москаль, усячыну гукавъ;
 А дали почепывъ соби саквы на плечи,

У люльку пхнувъ огню, ципокъ у руки взявъ,
 И ричку позывать — до рички почвалавъ.
 Чы довго винъ бшовъ, чы ни, того не знаю;
 Про те николы самъ Рыбалка не казавъ,
 А тильки винъ дойшовъ, якъ слидуе, до краю;
 Сула шумить, гуляе по степамъ.
 Рыбалка дывытся и очи протырае,
 Не вирить самъ своимъ очамъ:
 Бо по Сули, чортыбъ ихъ мучывъ мать,
 Плывуть хливци, стожки, дижки усякый крамъ,
 И бидного іого ныряе ятеръ.
 Здыхнувъ Рыбалонька, да и назадъ попливсь.
 А що, земляче, пожывывсь?

Ось слухайте, паны, бувайте вы здорови,
 Эге! Орхименько дурный:
 Пошовъ прохать у повитовый,
 Що обидравъ іого нашъ пысаръ волостный.

СОЛОВЕЙ.

»Хто не вгадае? я?
 Отце городять небыльцю!
 Щобъ не пизнавъ я Соловья,
 Щобъ не пизнавъ сю гарну птыцю;
 Якъ тилько окомъ наведу,

То и вгадаю, де спивака.»
Такъ дядькови казавъ небижъ, Грыцко Пидсака.
«Ходимо, я тебе до лису поведу,
Усякои тамъ птыци е багато.
Та буде соромъ, пане-брате!
Колыбъ ты Соловья изъ разу не пизнавъ.»
Грыцкови дядько одвичавъ.
И ось вони дійшли до гаю;
По гаеви усякій птахъ литае,
Щебече хто, хто свыще, хто гуде,
Ажъ округы луна ыде.

Н Е Б И Ж Ъ.

Ось-озьде Соловей! якый червоногрудый!
А дмется якъ, мабутъ великый панъ!
Уже-то не зъ-проста въ іого такый жунаць.

Д я д ь к о.

Та годи, годи, Грыцку, буде
Ту погань Сныгыра хвалыть!
Ся птыця не спива, а якъ усе щебече,
Вона въ гурти якъ небудь засвыстыть;
А бильше голову похнюпывши межъ плечи,
Насупывшысь сыдыть.

Н Е Б И Ж Ъ.

Такъ цытьте-лышень, ось я заразъ угадаю
Я сучій сынь, колы отце не винъ!
Увесь мовъ золотый, а крыльця чорни мас.

Д я д ь к о.

Та будешъ, Грыцку, сучій сынь:

Се просто пволга зовется;
Вона изъ саду въ садъ лита,
То вышни гарно обѣда,
То оббыва горохъ, а въ спивы не вдастся.

Н Е Б И Ж Ъ.

Такъ ось! колы побачывъ спивака,
Яка маліована, та штучна птыця,
Вертится, джеркотыть, по дереву скака, —
Отъ се-то Соловей.

Д я д ь к о.

Се нависна Сыныця!

И довго такъ небижъ дурненькый
Межъ птыцями знаходывъ Соловья;
А Соловей соби сиренькый
Надъ нымъ спивавъ, сховавшысь межъ гилля.

К О Н Е Ц Ъ.

СПБ
ЛЕННИЙ ПР
ЛЮЧКОВЪ
ПСКУПКА

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Feb. 2007

PreservationTechnologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00023969890

